

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2017. Т. 20. С. 120–135

Онлайн-доступ к журналу:

http://izvestia_geoarh.isu.ru/ru/index.html

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 39+398.4

Образы севера в представлениях бурят: контаминации мифологического и реального

М. М. Содномпилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Аннотация. Статья посвящена исследованию образов, значений и представлений в мировоззрении бурят, связанных с севером. Выявлено, что в основном они аккумулируют образы, наделенные негативными значениями. Это образ загробного мира, местожителство злых божеств и духов. Границей иного мира в реальном географическом пространстве в мировидении разных этнических групп бурят выступает периферия освоенной территории. Для западных бурят границей между своим и чужим мирами выступала р. Лена. Забайкальские буряты нередко считали краем земли оз. Байкал. Исследование представлений о северных землях позволило определить древние контакты бурятских племен с «лесными» народами – якутами, эвенками, оставившими след в мировоззрении бурят.

Ключевые слова: картина мира, образы севера, мир мертвых, река, бурятский пантеон

Введение

Восприятие и видение пространства носителями традиционного мировоззрения, отражающиеся в различных версиях картины мира народа, представляют особый интерес, в связи с возможностью выделить из всей совокупности информации иррационального и рационального характера сведения, основанные на реальных знаниях людей об окружающем их мире. Мифологические представления о мире «растворены» во всех сферах традиционной культуры: фольклоре, ритуальных практиках, предметах материальной культуры. Однако основным источником выступает фольклор во всем многообразии форм (эпос, малые жанры фольклора, предания, легенды, сказки). Проблема генезиса фольклорных сюжетов и образов привлекала внимание многих исследователей, в связи с возможностью соотнесения фольклорного фонда с этнографической действительностью, поисками этнических субстратов, «основ», «источников». Такие задачи в своих исследованиях ставили В. Я. Пропп [1986], Е. М. Мелетинский [1979], С. Ю. Неклюдов [1984], Ю. Е. Березкин [2009] и мн. др. Другое чрезвычайно важное направление современной гуманитарной науки – реконструкция системы взглядов на мир – представлено творческим коллективом, воссоздавшим тюркскую модель мира на примере тюрков Южной Сибири [Традиционное мировоззрение ... , 1988; Традиционное мировоззрение ... , 1989]. Много внимания реконструкции

монгольской модели мира посвятила Т. Д. Скрынникова в исследованиях разных аспектов природы власти в эпоху Чингисхана [Скрынникова, 2013].

Данная статья продолжает цикл работ, направленных на реконструкцию мировоззрения народов монгольского мира. В статье предпринята попытка представить весь спектр образов, значений и представлений в мировоззрении бурят, связанных с севером. Исследование представлений бурят о части пространства, наделенной наиболее негативными значениями, позволит определить древние контакты бурятских племен с «лесными» народами, оставившими след в мировоззрении бурят, локальные варианты картины мира, которые формировались в среде разных этнических групп бурят.

Материалы, их анализ и обсуждение

Северная сторона пространства в традиционной картине мира монгольских народов наделяется спектром негативных значений. В бурятском пантеоне северная сторона неба (северо-восточная/восточная в традиционной картине мира) является местом пребывания черных злых божеств, насылающих на людей всевозможные несчастья – болезни, непогоду, смерть. С этой частью пространства ассоциируется и местоположение мира мертвых (там, где обретаются души грешников, преступников, изгоев общества). Там же, согласно верованиям западных бурят, находится обитель злых духов.

Негативные представления о северной стороне известного бурятам мира обуславливали актуальность примет и запретов, связанных с севером. Так, например, собаку, которая лает, глядя в этом направлении, считают плохой собакой, приглашающей злых духов в дом хозяина. Убить такую собаку грехом не считалось [Хангалов, 1960, с. 67]. Охотникам возбранялось стрелять в зверя, который в момент прицела смотрел в сторону севера. Убийство животного, находящегося в такой позиции, сулило скорую смерть самому охотнику.

В древних верованиях предбайкальских бурят с севером связывался образ мифического черного зверя, появление которого на земле вызывало затмения небесных светил. Сведения о большом звере, в образе которого проглядываются черты медведя, были записаны В. И. Подгорбунским в Прибайкалье в улусе Шохтой в 1913 г. от бурятского шамана Пиноса: «На востоке... в черной дыре... в земле, – большой зверь живет. Он годами ничего не ест. Когда ночью редко выходит... луну глотает... Когда днем выходит, Солнце глотает... Потом зверь опять в черную дыру уходит, годами лежит...» [Подгорбунский, 1996, с. 233–234]. Существование таких воззрений в бурятском шаманизме неслучайно. Известно, что медведи, особенно черного цвета, в верованиях бурят служили ездовыми животными черных шаманов (служителей злых восточных *тэнгриев*), которые могли и сами принимать облик этого зверя. В ритуальных шаманских текстах черный медведь служит ездовым животным самого главы загробного мира Эрлен-хана.

Представления бурят о медведе, который проглатывает луну и солнце, совпадают с воззрениями якутов, которые были записаны В. Л. Серошевским в Верхоянском наслеге: «Луну едят волки и медведи за то, что она по-

хитила девушку; каждый месяц она нарастает, и каждый месяц ее опять пожирают звери» [Серошевский, 1993, с. 644]. Возможно, что сходство воззрений в данном случае указывает на общность мировоззренческой базы предков якутов и бурят.

В мифопоэтических версиях картины мира бурят, репрезентируемых в разных фольклорных текстах, отражается сочетание одновременно конкретных знаний о землях на севере, где значительно холоднее (мир холода и мрака), и мифологические представления о севере как о мире мертвых. «В бурятских мифах и песнопениях обозначение подземного царства Эрленхана со всей его канцелярией и стражей более ассоциируется с земным странством около темных холодных восточных морей Хара далайн захадань / Хара манаан харгы / Харалахан газар бурэнхы – У черного моря / Черная туманная дорога / На черной стороне темнота» [цит. по Дампилова, 2005, с. 75].

Как мы видим, облик далеких северных территорий в бурятских эпосах чаще всего репрезентируется через образы холодного черного моря и безжизненной холодной пустыни, где постоянно дуют ледяные ветры. А из числа природных явлений, выступающих характерными признаками иного мира, выделяются скованная льдом вода, снег и холодный ветер, образы которых в традиционном мировоззрении монгольских народов рассмотрены ниже.

В героических сказаниях, шаманских текстах-призываниях повествуется о далеких северных морях, покрытых льдом, образы которых стали одним из признаков мира злых духов, мира мертвых. Акцент в мифопоэтических текстах делается на процессе возникновения льда на земле: появление льда как природного явления соотносится с деятельностью культурного героя *Эрхэ-Бэлигтэ хүбүүна*, который, спустившись на землю, в мир людей, для борьбы со злом, принимает свой истинный облик и загоняет нечисть [порождения частей тела главы злых восточных небожителей] в ручей, покрывает его льдом, превратив злых духов в водяных чертей. В других вариантах сюжета небожители дают главному герою такой волшебный камень, который превращает воду в лед. Магической способностью замораживать воду обладают и сильнейшие бурятские шаманы: согласно преданиям предбайкальских бурят легендарные шаманы заключали в ледовый плен врагов, *эжсинов* (духов-хозяев) болезней и тем самым одерживали над ними победу.

В традиционном мировоззрении бурят процесс образования льда вызывал ассоциации со смертью: зимой не рекомендуется следить за тем, как попадают в ледовый плен водные системы (*Унанай мульхэндэ баригдахынь харахагүй*). Напротив, наблюдать за таянием льда – большое благодеяние (*буян*). Наблюдать за освобождением воды от ледового плена – означало продлить жизнь себе и своим потомкам [ПМА 1].

Снег в представлениях монгольских народов также являет собой реплику иного мира, благодаря своим свойствам – холоду *хүйтэн* и белому цвету *сагаан*. Согласно исследованиям Л. Г. Скородумовой, белый цвет в мировоззрении монголов всегда в той или иной мере олицетворяет иной, нематериальный мир [Скородумова, 2004, с. 232]. Соотносятся с такой символикой белого цвета и некоторые воззрения бурят, которые считали

белый цвет не только священным, но и «лишенным жизни» *амигуй* [Галданова, 1987, с. 16].

С «дыханием» иного мира ассоциировался и холодный ветер. Так, в частности, ощущение человеком холодного дуновения толковалось как знак контакта с умершими. Понятие «простудиться» в монгольских языках передавалось выражением *хуйт аваа* – «получил холод» [Содномпилова, 2007, с. 175–178].

Итак, загробный мир бурят очень часто располагается у темных холодных морей, сведения о существовании которых достигали бурятские земли через контакты с якутами, эвенками. Но интересно то, что ассоциации с краем земли вызывало и оз. Байкал у забайкальских бурят, живущих южнее этого крупнейшего в мире пресноводного водоема. И. А. Манжигеев отмечает, что до самой революции 1917 г. слишком ограничен был даже круг географических представлений бурят-шаманистов: некоторые из них считали оз. Байкал краем света, и редкие счастливицы, побывавшие на берегу его, получали право колдовать – «лечить», например, рожу (рожистое воспаление кожи) высеканием искры из кремня [Манжигеев, 1961, с. 10]. Самый большой остров, Ольхон, в шаманских версиях мира был местопребыванием грозных божеств, связанных с миром мертвых (Хан-Хото-баабай, Ажарай-бухэ) через родство с главой загробного мира Эрлен-ханом.

Образы загробного мира, связанные с водой, были известны не только бурятам. Полагаем, что аналогичные представления имели место и у других этнических групп монгольского мира, в архаической традиции которых имел место обычай захоронения тел умерших, зашитых в шкуры животных в воде. Следы об этих традициях сохранились в произведениях устного народного творчества – эпосах, преданиях и легендах.

В традиционной картине мира многих сибирских народов вход в нижний мир устойчиво ассоциируется с устьем реки и морем в северной зоне пространства окружающего мира, поскольку крупнейшие реки Сибири текут на север. В верованиях и мифологии монгольских народов в целом и бурят в частности воззрения о локализации подземного мира в устье реки, как это характерно для концептуальной картины мира многих северных народов Сибири, отсутствуют. Однако связь с загробным миром в мировоззрении бурят одна река все же обнаруживает. Это р. Лена, которую буряты называют *Хара Зулхэ* («Черная Зулхэ»). Как считает М. Н. Мельхеев, ее имя имеет небурятское происхождение: Лена относится к крупным водным объектам, имеющим названия более древнего субстратного происхождения, которые не расшифровываются на языках современных жителей [Мельхеев, 1969, с. 73]. Возможно, что название реки восходит к кетскому *ул'* – «вода», *ул'с* – «большой водоем, море» [Алексеев, 2007]. Более всего гидроним «Лена» отвечает эвенкийской версии происхождения названия. По В. А. Никонову он восходит к эвенкийскому Елюёнэ со значением «река» [Митрошкина, 1980]. Свою версию происхождения названия реки предлагают монголоеды: А. Г. Митрошкина, обращаясь к названию реки верхоленских бурят Золхо (Золхо уһан), пишет, что семантика апеллятива *золхо*

не сохранилась в сознании носителей говора качугских (верхоленских) бурят, и заключает, что версия бурятского литературного языка Зулхэмурэн – «большая река» представляется наиболее убедительной [Митрошкина, 1980]. По версии исследователя Е. В. Сундуевой, в основе названия гидронима лежит монгольский термин *юлэхэ*, имеющий спектр таких значений, как «лить воду», «переливаться», «течь». Она обнаружила, что в монгольских языках большое количество натурофонов в основном представлено звуками воды и отражают ее различные состояния и движения – бульканье, кипение, переливание, журчание. Корень *čülk* в монг. *цүлхий-* (бултыхнуться) фонетически близок корню гидрографического термина *cölke*, *jölke* (средневек. монгол.), *зүлх* (монгол.), *зүлхэ* (бурят.) – большая река; середина реки, наиболее глубокая часть русла реки, – выступающего в качестве бурятского топонима *Зулхэмурэн* и обозначающего полноводную р. Лену [Сундуева, 2015, с. 476–485].

Расположение «мира мертвых» по правую сторону р. Лены (северо-восточная сторона) обусловлено ее маргинальным положением в пространстве, освоенном бурятскими племенами. Великая сибирская река Лена является, в сущности, рубежом бурятских земель, она находится на периферии известного бурятам мира.

С обширным фактологическим этнографическим и археологическим материалом, вскрывающим связь севера со смертью в мировоззрении населения Центральной Азии, перекликается и бурятский фольклор, в частности описание ада в различных версиях Гэсэриады. В эпических произведениях бурят представлено наиболее подробное и красочное описание загробного мира, расположенного в северных землях.

Описание структуры небесного мира, противоборство западных и восточных *тэнгри* представляет важный эпизод бурятского варианта Гэсэриады – мифологический пролог эпоса. Он является по определению исследователей самой оригинальной ее частью, которая отсутствует в иноэтничных версиях Гэсэриады. Это свидетельствует, вероятно, об уже сложившейся картине мира в среде предбайкальских бурят к моменту проникновения в бурятскую словесность сюжетов эпоса о Гэсэре. Мифический загробный мир, так же, как и все земное пространство, на просторах которого совершает свои подвиги Гэсэр, существует в реальном мире – это территория проживания предбайкальских бурят от Саян до верховьев р. Лены.

Судя по текстам разных вариантов бурятского эпоса, Гэсэр по отношению к своим врагам живет на правой *баруун* сакральной стороне, что соответствует позиции центра. Мать-прародительница злых восточных тэнгринов Маяс-Хара утоодэй поселяет своих отпрысков на левой стороне – северо-восточных рубежах бурятских земель [Абай Гэсэр, 1995, с. 86, 87]:

*Так трем сыновьям злополучным
Старейшины Атай-Улана
Пришлось на земле очутиться
Тремя шарагольскими ханами,
Сумевшими въявь утвердиться*

*В неистовой злой круговерти
По ту ли сторону жизни,
По эту ли сторону смерти.
На правом крутом берегу
Великой Лены-реки,
Построив кремль из гранита,
Повытесав из лазурита
Приметы чужой стороны.*

Все отрицательные персонажи эпоса располагаются:

*На северо-востоке земли,
По берегу Лены-реки,
В глубоких потемках без солнца,
В печальном краю без луны.*

Большое внимание уделяется описанию этих мест: это – пустынная, холодная, ветреная страна Хонин Хото, где не светят солнце и луна. Далекая враждебная местность характеризуется также как «противная взору страшная страна», «ядовитый край». Там же находится и ад *тама*, куда падает Абай Гэсэр, наказанный своей бабкой Манзан-Гурмэ [Абай Гэсэр, 1995, с. 186]:

*Манзан-Гурмэ вслед за этим проклятья прокричала:
– Стань страшным огромным Змеем
С тринадцатью головами!
Опустись на востоке далеко –
На берег Лены-реки.
И там упади у отверстий
Двенадцати адов кромешных!*

Таким образом, в реальном физическом пространстве краем земли, миром мертвых, где властвуют Эрлен-Хан, враждебные мифологические существа – *мангадхаи*, являются северные земли, лежащие за р. Леной. Там же, согласно верованиям предбайкальских бурят, находится обитель злых духов и мир мертвых.

Земли, расположенные за р. Леной, характеризуются и как страна сновидений, что также является одним из признаков ее нереальности как запретного мира: «Зүүни газар – / зүүдэн шэни / Зүлхэй нгазар / наадан шэни – земля восточная – / сон твой / долина Лены / – игрище твое» [цит. по Дампилова, 2005, с. 75]. В мировоззрении монголов, разделяющих представления бурят об инаковости/чуждости севера, направление северо-восток характеризуется как «путь к сновидению», что подчеркивает нереальность этой враждебной чужой стороны, населенной душами умерших людей, злыми божествами и духами. Примечательно, что для бурят-буддистов Забайкалья (территория по южную сторону от оз. Байкал) в пространство чужого мира, идентичного «иному» миру, включаются земли, расположенные к северу от оз. Байкал, где живут предбайкальские буряты. Ц. Жамцарано, пу-

тешествуя по Предбайкалью, отмечает в своем путевом дневнике, что «когда едешь в Забайкалье, снов не видишь, ибо все черти, которые наводят сны, оставляют человека в покое, боясь лам и дацанов» [Жамцарано, 2001, с. 331]. Очевидно, что исследователя в Предбайкалье тревожили сновидения.

В контексте представлений, формирующих мистический образ р. Лены как края земли, границы освоенного мира в представлениях некоторых этнических групп бурят, показательной является интерпретация сна одного из информаторов, проживающего на левом берегу этой реки. Сюжет сна глубоко символичен: женщина (информатор) и ее сын рано утром перебрались на противоположный берег Лены, сын – чтобы поохотиться на уток, а мать собиралась искать лекарственные травы. Наступил вечер, солнце уже закатывалось за горизонт, но сын не возвращался, и женщина, не дождавшись его, села в лодку и вернулась домой. Сын же остался за рекой – в «ином» мире. По прошествии некоторого времени сын информатора умер [ПМА 2]. В данном сюжете на традиционный образ реки как границы между мирами накладывается специфический образ Лены как края бурятской земли, овеянный древними преданиями и легендами.

Негативному образу северной стороны, где несет свои воды темная Лена, *Хара Зулхэ*, противопоставляется другой образ, сложившийся в иной традиции: с р. Ленной связывалось пребывание почитаемого в среде отдельных этно-территориальных объединений (эхиритов и хоринцев) божества – хозяина р. Лены Ажарая-бухэ, его соратника Харамца Мэргэна и слуг Барлака и Хойлонго. Ажарай-бухэ является особо почитаемым божеством в среде эхиритов, как покровитель воинов, военного искусства, поскольку при жизни он был известным силачом и любителем борьбы.

Образ Ажарая-бухэ довольно сложен и представляет собой контаминацию образов реального персонажа – бурятского воина, воевавшего с врагами на Лене – с древними божествами якутов Адыраем и монголов Ажарайтэнгри. Согласно бурятским преданиям воин Ажарай-бухэ родился и вырос на берегу р. Лены в XVII в. и был вождем племени эхиритов. Представляет особый интерес, в контексте образа темной/черной реки Зулхэ, тот факт, что Ажарай родился очень смуглым и потому его звали Хара Ажарай (Черный Ажарай). Ажарай-бухэ вошел в число восточных божеств Асарангуйских тринадцати тэнгриев – покровителей черных кузнецов и черных шаманов [Манжигеев, 1961, с. 20], стал одним из основных помощников Эрлен-хана, главы загробного мира, и возглавил сонм «черных всадников» – слуг Эрлен-хана.

С Ажараем-бухэ связан культ черных всадников *хараморитон* – благородных разбойников сайнэров, который сохраняется и сегодня. Символика черных всадников, по мнению А. П. Окладникова, связана с сюжетами петроглифов Шишкинских писаниц. «На образе грозного хозяина черного коня и владыки Лены, несомненно, так или иначе, отразились изображения воинственных курьканских всадников, сидящих на таких же черных от загара лошадях» [Окладников, 1976, с. 171].

Из текстов шаманских призываний вырисовывается облик местностей, где проживает Ажарай-бухэ. По одним сведениям он владеет строением из красных камней, водяное ограждение которого – р. Лена. Каменные дворцы его находятся на берегу Лены у самого Якутского тракта и связаны с расположением Шишкинских скал. Прежде Шишкинские скалы венчались высокой скалой, которая была взорвана в 1897 г. во избежание ее падения на дорогу. На вершине этой скалы росли четыре лиственницы, которые скрутились между собой в верхней части. Эта скала в воззрениях верующих была двором Ажарая-бухэ. Шаманы, говорившие от имени божества во время обрядов, описывали разрушение дворца, повреждение одежды Ажарая-бухэ, которая упала в воду, и говорили о гневе божества и обещании мести русскому царю за оскорбление [Окладников, 1976]. Локализация бурятами Ажарая-бухэ на берегу Лены, на скалах обнаруживает сходство с мироощущением народов Сибири, особенности которого определил речной образ жизни – в их культуре особо почитались мысы реки, возвышающиеся над водной гладью. Мыс космической реки представляет собой один из центральных элементов сакральной топографии угров, якутов, эвенков. Это священное место обитания небесных божеств, духов предков, духов – хозяев местности [Павлинская, 2007].

Божество Лены имеет дворцы и в других местах Верхоленья. Согласно представлениям бурят, почитающих Ажарая-бухэ, его «роскошные дворцы», упомянутые в обрывочных сведениях М. Н. Хангалова, представляют собой строения из красных камней – такой образ навевают многочисленные красные мысы на Лене и скалы в качугской тайге. Чаще описывают роскошный огромный дворец посреди дремучей тайги на берегу Лены – «в темном лесу стоящий длинный белый дворец» [цит. по Окладников, 1976, с. 160–162]:

*По левой стороне своей Лены-реки
В темной густой тайге
Роскошный, огромный дворец имеющий...
Великий Бурхан,
В темном лесу имеющий
Длинный белый дворец,
Могучий Бурхан...
Скота имеет много,
Что даже счету не поддается.
Серебра у вас столько,
Что со счету собьешься,
А золота, что гальки на реке Лене –
Без счета, как чешуя у рыб...
На вершине черной высокой горы,
Владея, утвердившийся бурхан,
Угодивший на Лену и там остановившийся,
Обладатель дворца из двух черных камней...*

Так же, как и его сородичи-скотоводы, Ажарай-бухэ кочует с летнего стойбища на зимнее и обратно. Летними пастбищами для его скота выступают земли о-ва Ольхон, образ которого для забайкальских бурят соотносится с краем земли и иным миром. Напомним, что владеет островом грозное божество Хан-Хото-баабай, принадлежащий к сонму восточных хатов, брат Эрлен-хана:

*Местопребывание ваше зимнее –
 Это высокий красивый Гурбэхэн.
 Местопребывание ваше летнее –
 Это Ойхон с тридцатью сопками.
 Тридцать сопок вашего Ойхона
 Звенят своими камнями.
 Три ваших черных моря
 Сверкают своими водами...*

В шаманских призываниях помимо дворцов и стоянок Ажарая-бухэ отмечаются и особо любимые им местности:

*– Что внизу вы особенно облюбовали?
 – Это Якутская красная гора.
 – Что сверху вам особенно понравилось?
 – Это Острожная красивая гора...*

Перечень противоречивых сведений о части пространства, локализуемого в границах р. Лены, свидетельствует о разном мироощущении племен, занимающих территорию Предбайкалья. Для некоторых этнических групп западных бурят, в частности булагатов и хонгодоров, с р. Леной связывалось представление о местонахождении враждебных племен – эхиритов, а также лесных людей – эвенков. Об этом свидетельствуют тексты шаманских призываний, в которых отмечаются связи божества Лены с лесными людьми. Он [Ажарай-бухэ] по материнской линии имеет родственные связи с эвенками и характеризуется как «Хамниганской страны обитатель» [цит. по Окладников, 1976, с. 161]:

*С 99 ороचनाми в большое родство вступил,
 С 77 ороचनाми в двойное родство вступил.*

Традиционным является также образ хозяина р. Лены как главного помощника Эрлен-хана. Однако для эхиритов, которые представляли Ажарая-бухэ главой загробного мира, этот образ не является сугубо негативным, да и мир мертвых заметно отличается от других его версий. Ажарай-бухэ считается главой *сулана* (бур. сейм), чертога, куда отправляются после смерти души черных шаманов и профессиональных борцов *бүхэ*. Эрлен-хан возглавляет аналогичный *сулан* для душ нойонов, аристократов, высших чиновников и особо выдающихся черных шаманов. В средневековье, по мнению Д. В. Цыбикдоржиева, эти загробные сеймы воспринимались в качестве своего рода райских чертогов для душ воинов и вождей [2003]. Темница Эр-

лен-хана «так сказать, учреждение аристократическое, так как души простых бурят не достаиваются чести попасть в темницу Эрлен-хана, а после смерти, по мнению шаманства, остаются на земле и скитаются без пристанища» [Хангалов, 1958, с. 316].

Образ воинского рая был известен не только эхиритам – почитателям культа «черных всадников». Отголоски этого образа обнаруживаются и у других этнических групп бурят, проживающих в значительном отдалении от мест распространения этого культа. Так, в частности, представления о воинском рае сохранились у закаменских бурят. Насколько известно, они не совершали специальных обрядов, посвященных божествам культа «черных всадников», но, тем не менее, знали о них, об их покровительстве воинам и борцам, о загробном мире, куда попадают их души. Малоизвестность этого культа у закаменских бурят (и не только у них) обусловлена особым статусом грозных божеств, имена которых нельзя было упоминать все¹: образы *хараморитон* могли всплыть лишь в случайно обороненных фразах, в комментариях спортивных состязаний, драк и боев. Согласно описанию нашего информатора, в воинском раю высятся пики гор, гремят водопады, проносятся по зеленым горным пастбищам с развевающимися гривами табуны вороных лошадей, которых любит Ажарай-бухэ [ПМА 3]. В прошлом именно такой масти коней посвящали грозному божеству буряты: «каждый кудинский бурят старается делать религиозный обряд Ажараю-бабаю, которому посвящает коня почти каждый бурят... Богатые буряты нарочно покупают черного жеребенка или лончака-жеребца, которого выращивают, а потом посвящают Ажарай-Бохо-Бабаю. Такие кони делаются хорошими рысаками или бегунцами, а мальчики, которым покровительствует это божество, бывают сильными, умными и не болеют от разных болезней» [Окладников, 1976, с. 159].

Избегая упоминать имя грозного божества, верующие называли его владыкой Лены *Зүлхэйн-нойон* или хозяином черного коня *хараморитон*. По сведениям С. П. Балдаева, до революции все должностные лица бурят-монгольских административных учреждений совершали жертвоприношение божествам Лены [Там же]. Эта традиция сохраняется и сегодня. По сообщению шамана Валентина Хагдаева, к нему обращаются высокопоставленные чиновники и депутаты с просьбой совершить обряд Ажараю-бухэ, поскольку он считается покровителем нойонов, политической карьеры, административной службы. Однако требуемого для обряда вороного коня даже таким людям достаточно сложно приобрести [Цыбикдоржиев, 2003, с. 200].

Образ коня занимает особое место в представлениях бурят, связанных с р. Леной, хотя в целом в бурятских преданиях, связанных с водными источниками, следы отождествления рек с образом коня и других животных не

¹ Само обозначение ленских божеств «черные всадники» уже является табуированным, но со временем даже это название перестают употреблять вне обрядово-ритуального действия, опасаясь, что грозные божества могут мгновенно появиться там, где было произнесено их имя, и в случае напрасного нарушения их покоя виновный будет подвергнут суровому наказанию.

отмечены [Барадиева, Сундуева, 2014, с. 80]. Известно, что реки в мировоззрении многих народов могли ассоциироваться с образом лошади. Так, например, устойчивым образом в тюркской мифологии выступает крылатая лошадь-гулпар, происхождение которой связано с водой. В якутских преданиях о прародителе якутов Эллэе в образе лошади выступает сама р. Лена, по которой предок якутов уходит вниз по течению на поиски новой Родины. Эллэй плывет вниз по Лене на коряге, и падающая от нее на воду тень принимает вид лошади. В другом варианте легенды говорится, что в дороге Эллэе сопровождает видение: «...в струях воды рисуется ему жеребец с яркой блестящей шерстью на крупе, который показывается ему впереди, как бы показывая дорогу» [Окладников, 1949, с. 328]. Очевидно, что образ реки-лошади, присущий тюркским преданиям, когда-то был актуален и для монгольского мифотворчества. Во всяком случае, в фольклоре и художественной литературе, безусловно, встречаются образцы отождествления рек со скакуном. Так, монгольская загадка о реке звучит следующим образом: *Дэлгэр зуны улиралд хурдан хүлэг шиг жирийнэ. Тэгсгim өвлийн цагт дардан зам шиг толийно* – «В благодатное летнее время, подобно быстрому скакуну, мчится. В холодную зимнюю стужу, подобно торной дороге, блещет» [Барадиева, Сундуева, 2014, с. 80]. Речь идет также и о возможном этимологическом родстве терминов «конь» – *морин* и «река» – *мүрэн* в монгольских языках [Цыбикдоржиев, 2003, с. 208].

Относительно р. Лены, как особого примера мировосприятия бурят, полагаем, что следы образа реки-лошади присутствуют в определении гидронима – Хара Зүлхэ (Черная Зүлхэ). Определение *хара* – «черный»² может указывать на вороную масть коня, с образом которого ассоциируется река. Связь реки с образом коня в мифологических представлениях о божестве Ажарая-бухэ видит Д. В. Цыбикдоржиев: «Ажарай-бүхэ – бог бури и ветра, громовержец. Вместе с Алмой – они хозяева реки. Причем генетически связаны с тотемом, с образом дикого коня... который в свою очередь тесно связан с идеей мировой реки...» [Там же]. Таким образом, мотив реки-лошади, присущий якутским преданиям, вероятно, когда-то присутствовал и в бурятском мифотворчестве, но сохранился лишь в названии реки – Черная Лена (Хаара Зүлхэ) и в мифологических представлениях о божестве Ажарая-бухэ.

Заключение

Таким образом, представления о северных территориях как загробном мире, репрезентируемом через образы холодных черных морей, покрытых льдом, пустынных землях, продуваемых ледяными ветрами, реализует горизонтальную версию расположения мира мертвых в концептуальной картине мира. Такой пример локализации иного мира является репликой рациональ-

² Вместе с тем эпитет реки «черная» может выступать примером другого мировосприятия бурят. Так, в мировоззрении бурят имеют место два варианта происхождения водоемов и рек. В соответствии с одним из них, вода многих водоемов и источников связана с подземными глубинами. Вероятно, водоемам такого типа и сопутствует эпитет *хара*.

ных знаний человека об окружающем его пространстве и актуален не только для бурят, но и для других этнических групп монгольского мира.

Соотнесение мира мертвых с р. Леной являет собой один из локальных вариантов картины мира, присущего мировоззрению определенных этно-территориальных групп бурят, вероятно, булагатов и хонгодоров³. Для них предки якутов и эвенков, населяющие берега Лены, а также тесно контактировавшие с ними буряты племен эхирит, сэгэнут⁴, были чужими и враждебными племенами. Отношения с ними у некоторых этнических групп бурят регулярно приобретали характер военных конфликтов. Те же, кто поддерживал контакты с якутами и эвенками, разделяли и мировоззрение этих народов Сибири, особенности которого определил речной образ жизни.

Источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в г. Закаменске Республики Бурятия (информант – хонгдор Х. А. Дашибылова, 1926 г. р.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный летом 2002 г. в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области (информант – М. В. Ангараева, 1930 г. р.).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в 2006 г. в г. Улан-Удэ (информант – хонгдор Ц. Ц. Галданова, 1908 г. р.).

Список литературы

- Абай Гэсэр*. Бурятский героический эпос. – М. : Вост. лит., 1995. – 526 с.
- Алексеев Е. А.* Речной компонент в культуре народов Енисейского бассейна. / Е. А. Алексеев // Реки и народы Сибири. – СПб. : Наука, 2007. – С. 55–87.
- Барадиева С. С. Б.* Метафоризация в гидрографической терминологии монгольских языков / С. С. Б. Барадиева, Е. В. Сундуева // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 77–82.
- Берёзкин Ю. Е.* Мифы Старого и Нового Света: из Старого в Новый Свет: мифы народов мира / Ю. Е. Березкин. – М. : Астрель, 2009. – 446 с.
- Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят / Г. Р. Галданова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 115 с.
- Дампилова Л. С.* Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика / Л. С. Дампилова. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 248 с.
- Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. / Ц. Жамцарано. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 382 с.
- Манжигеев И. А.* К вопросу о процессе отмирания пережитков шаманства у бурят / И. А. Манжигеев // Этногр. сб. БКНИИ СО АН СССР. – 1961. – Вып. 2. – С. 9–19.
- Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1979. – 228 с.
- Мельхеев М. Н.* Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий / М. Н. Мельхеев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1969. – 184 с.
- Митрошкина А. Г.* К этимологии гидронима Лена / А. Г. Митрошкина // Ономастика Востока. – М. : Наука, 1980. – С. 130–131.

³ Такое предположение обосновано сюжетами известных эпических произведений, в частности «Гэсэра», основной корпус которых был зафиксирован у булагатов.

⁴ Подробные сведения об этническом составе бурят, проживавших в Верхоленье, представлены в работе Б. З. Нанзатова [2016].

- Нанзатов Б. З.* Верхоленские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение / Б. З. Нанзатов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 16. – С. 103–124.
- Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов / С. Ю. Неклюдов. – М. : Наука, 1984. – 309 с.
- Окладников А. П.* История Якутии. Т. 1 / А. П. Окладников. – Якутск : Якутскгосиздат, 1949. – 438 с.
- Окладников А. П.* История и культура Бурятии / А. П. Окладников. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 458 с.
- Павлинская Л. Р.* Реки Сибири / Л. Р. Павлинская // Реки и народы Сибири. – СПб : Наука, 2007. – С. 18–55.
- Подгорбунский В. И.* Религиозные и космологические представления у бурят, якутов и тунгусов (полевые материалы 1913–1922 гг.) / В. И. Подгорбунский // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 2. – М. : Наука, 1996. – С. 221–241.
- Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Протт. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
- Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. – М. : Моск. тип. № 2, 1993. – 736 с.
- Содномпилова М. М.* Атмосферные явления в концептуальной и языковой версиях картины мира монгольских народов / М. М. Содномпилова // В мире традиционной культуры бурят. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – С. 152–202.
- Скородумова Л. Г.* Монгольский язык: образы мира / Л. Г. Скородумова. – Улан-Батор : Бемби Сан, 2004. – 327 с.
- Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана / Т. Д. Скрынникова. – СПб. : Евразия, 2013 – 384 с.
- Сундуева Е. В.* Имитация звуков неживой природы средствами корневого согласного / в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Российско-монгольский лингвистический сборник. – М. : Канцлер, 2015. – С. 476–485.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск : Наука, 1988. – 225 с.*
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск : Наука, 1989. – 243 с.*
- Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. 1 / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – 550 с.
- Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. 3 / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1960. – 420 с.
- Цыбикдоржиев Д. В.* Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят) / Д. В. Цыбикдоржиев. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 290 с.

Images of the North in Buryats' Impressions: Contamination of Mythological and Real

M. M. Sodnompilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

Abstract. A special interest is shown of how the traditional world view bearer perceives and views the space, reflected in the different versions of the world view of the ethnos. The study

of perception and vision of space allows to select from conjunction of the irrational and the rational character information based on real people's knowledge about the surrounding world. The article deals with the range of images, values and beliefs in the Buryat worldview related to the North. It was found that they accumulate images endowed with negative values. This is an image of the underworld which is represented by markers such as cold dark sea, desert land, ice, snow, cold wind. This is a residence of evil gods and spirits, a place where diseases arise and then spread around the world. Such an example of the other world localization is a replica of rational human knowledge about the surrounding area. It is actual not only for Buryats, but for the other Mongolian ethnic groups. An exception is the image of the afterlife in the form of heavenly palaces for the souls of warriors and leaders, known primarily among the Western Buryats. The existence of transcendent views of the world in real geographical space is distinguished in the worldview of different Buryat ethnic groups in parallel of this synthesis image of the north. As a general rule, its boundary is related to the periphery of the assimilated space. Eastern Buryats could consider that Lake Baikal is the edge of the earth. Lena River was the border of another world for many Western Buryats. Image of a horse takes special place in the representations of the Buryats associated with the Lena river. This image is implicit in the name of the river, in the mythological notions of its deity Azhirai-bukhe. The motif of the river-horse, inherent in the Turkic tradition, and reflected in the Buryat myth-making, is one of the many evidences of the presence of the Turkic substratum in the ethnogenesis of the Buryats. Representations of the northern lands research allowed to determine contacts of early Buryat tribes with the "forest" nations – Yakuts, Evenks, who left their marks in the Buryat world view.

Keywords: world view, image of the north, underworld, river, Buryat pantheon.

References

- Abai Geser. Buryatskii geroicheskii epos [Abai Geser. Buryat Heroic Epos]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 526 p. (In Russ.)
- Alekseenko Ye. A. Rechnoi komponent v kulture narodov Eniseiskogo basseina [River component in the culture of peoples of Yenisei basin]. *Reki i narody Sibiri [Rivers and peoples of Siberia]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 55–87. (In Russ.)
- Baradieva S. S. B., Sundueva E. V. Metaforizatsiya v gidrograficheskoi terminologii mongolskikh yazykov [Metaphorization in the hydrographic terminology of Mongolian languages]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova [Bulletin of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University]*. 2014, Vol. 11, Is. 3, pp. 77–82. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. *Mify Starogo i Novogo Sveta: iz Starogo v Novyi Svet: mify narodov mira [Myths of the Old and New Worlds: from the Old to the New World: myths of the peoples of the world]*. Moscow, Astrel Publ., 2009, 446 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. *Shamanskie pesnopeniya buryat: simbolika i poetika [Shamanic hymns of the Buryats: symbolic and poetic]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2005, 248 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. *Dolamaistskie verovaniya buryat [Pre-Lamaist Belief System of the Buryats]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 115 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1958, Vol. 1, 550 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1960, Vol. 3, 420 p. (In Russ.)
- Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaeв A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir [Traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and Time. Thing World]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 225 p. (In Russ.)

Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirivozrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo [Traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Human. Society]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 243 p. (In Russ.)

Manzhigeev I. A. K voprosu o protsesse otmiraniya perezhitkov shamanstva u buryat [On the process of withering away of the relics of shamanism among Buryats]. *Etnograficheskii sbornik BКNI SO AN SSSR [Ethnographic digest BCSRI SB AS USSR]*. Ulan-Ude, 1961, Vol. 2, pp. 9–19. (In Russ.)

Meletinskii E. M. *Paleoaziatskii mifologicheskii epos [Paleoasian mythological epic]*. Moscow, Nauka Publ., 1979, 228 p. (In Russ.)

Melkheev M. N. *Toponimika Buryatii. Istoriya, sistema i proiskhozhdenie geograficheskikh nazvanii [Toponymy of Buryatia. History, system and origin of geographical names]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1969, 184 p. (In Russ.)

Mitroshkina A. G. K etimologii gidronima Lena [Toward the etymology of hydronym Lena]. *Onomastika Vostoka [Onomastic of the Orient]*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 130–131. (In Russ.)

Nanzatov B. Z. Verkholskie buryaty v XIX v.: etnicheskii sostav i rasselenie [Upper Lena Buryats in the 19th Century (Ethnic Composition and Settlement)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya. [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]*. 2016, Vol. 16, pp. 103–124. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. *Geroicheskii epos mongolskikh narodov [Heroic epos of Mongolian peoples]*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 309 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Istoriya Yakutii [History of Yakutia]*. Yakutsk, Yakutskgosizdat Publ., 1949, Vol. 1, 438 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Istoriya i kultura Buryatii [History and Culture of Buryatia]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1976, 458 p. (In Russ.)

Pavlinkaya L. R. Reki Sibiri [Rivers of Siberia]. *Reki i narody Sibiri [Rivers and peoples of Siberia]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 18–55. (In Russ.)

Podgorbunskii V. I. Religioznye i kosmologicheskie predstavleniya u buryat, yakutov i tungusov (polevye materialy 1913–1922 gg.) [Religious and cosmological views of the Buryats, Yakuts and Tungus (field materials 1913–1922)]. *Problemy etnicheskoi istorii i kultury tyurko-mongolskikh narodov Yuzhnoi Sibiri i sopredelnykh territorii [Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples of Southern Siberia and adjacent territories]*. Moscow, Nauka Publ., 1996, Vol. 2, pp. 221–241. (In Russ.)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historic roots of magic tales]*. Leningrad, LSU Publ., 1986, 364 p. (In Russ.)

Seroshevskii V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Yakuts. Experience of ethnographic research.]*. Moscow, Moscow typography № 2, 1993, 736 p. (In Russ.)

Skorodumova L. G. *Mongolskii yazyk: obrazy mira [Mongolian language: images of the world]*. Ulan-Bator, Bembi San Publ., 2004, 327 p. (In Russ.)

Skrynnikova T. D. *Kharizma i vlast v epokhu Chingis-khana [Charisma and power in the epoch of Genghis Khan]*. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2013, 384 p. (In Russ.)

Sodnompilova M. M. Atmosfernye yavleniya v kontseptualnoi i yazykovoii versiyakh kartiny mira mongolskikh narodov [Atmospheric phenomena in the conceptual and language versions of the picture of the world of Mongolian peoples]. *V mire traditsionnoi kultury buryat [In the world of traditional culture of the Buryats]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2007, pp. 152–202. (In Russ.)

Sundueva E. V. Imitatsiya zvukov nezhiboi prirody sredstvami kornevoogo soglasnogo l v mongolskikh yazykakh [Simulation of sounds of inanimate nature by means of a root consonant l in Mongolian languages]. *Rossiysko-mongolskii lingvisticheskii sbornik [Russian-Mongolian Linguistic Digest]*. Moscow, Kancler Publ., 2015, pp. 476–485. (In Russ.)

Tsybikdorzhiev D. V. *Proiskhozhdenie drevnemongolskikh voinskikh kultov (po folklor-no-etnograficheskim materialam buryat) [The origin of the ancient Mongolian military cults (according to folk-ethnographic materials of the Buryats)]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2003, 290 p. (In Russ.)

Zhamtsarano Ts. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel Diaries 1903–1907]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2001, 382 p. (In Russ.)

Sodnompilova Marina Mikhailovna

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Sodnompilova Marina Mikhailovna

Doctor of Science (History), Leading Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhiyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russia
e-mail: sodnompilova@yandex.ru